

САМО: ИНОЗЕМЕЦ И ВОПЛОЩЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО УКЛАДА. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЖИХ М.И. СЛАВЯНСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ САМО И ЕГО «ДЕРЖАВА» (623-658). ИСТОЧНИКИ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. СПб., 2019. 148 с.

И.Ю. Васильев

Научно-исследовательский центр традиционной культуры
«Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия)
e-mail: ivasee@mail.ru
SPIN-код: 8437-3902

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В рецензии рассматривается книга петербургского историка М.И. Жиха, посвящённая славянскому правителю Само и его «державе» – одному из первых известных по источникам славянских предгосударственных объединений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Само, славяне, франки, авары, общественный строй.

SAMO: AN ALIEN AND AN EMBODIMENT OF THE SLAVIC WAY OF LIFE. REVIEW TO THE BOOK SLAVIC RULER SAMO AND HIS 'EMPIRE' (623-658). SOURCES, LOCALIZATION, SOCIO-POLITICAL ORGANIZATION, HISTORICAL SIGNIFICANCE, by M.I. ZHIKH (SPb., 2019.148 p.)

Igor Vasilyev

Research Center of traditional culture
«The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia)
e-mail: ivasee@mail.ru

ABSTRACT

The review examines the book by St. Petersburg historian M.I. Zhikh dedicated to the Slavic ruler Samo and his 'empire' - one of the first recorded pre-state tribal unions of the Slavs.

KEYWORDS: Samo, Slavs, Franks, Avars, social order.

Книга М.И. Жиха (Жих 2019) – одна из самых интересных новинок исторической литературы 2019 года. В работе дан ёмкий анализ историографии и источников, проливающих свет на личность Само, особенности его политики и социума, который он возглавлял (Жих 2019: 4-24).

Очень важно, что М.И. Жих представил в работе собственные переводы латиноязычных источников. Ведь концепций в славистике велико множество, а источников для их подтверждения либо опровержения часто не хватает (Жих 2019: 113-116).

На основе имеющихся материалов в работе даны обобщённые выводы о вероятном происхождении Само: «Вероятнее всего видеть в Само опытного галло-римского купца, возможно, ранее служившего в армии или привыкшего защищать своё добро с оружием

в руках в ходе торговых экспедиций, что позволило ему легко присоединиться к славянам в их битвах с аварами и проявить себя в них доблестным воином, блестящим тактиком и стратегом. Благодаря этому Само заслужил такое уважение славян, что они, подобно жителям города, спасённого в былинах Ильёй Муромцем, избрали его своим князем. Осторожно можно высказать предположение, что Само по каким-то причинам находился в оппозиции к франкским властям (возможно, будучи галло-римлянином, он принадлежал к той их части, которая была недовольна политическим господством франков в их стране) или как-то пострадал от них, поэтому став славянским князем, он проявил крайне враждебное отношение к Франкскому королевству» (Жих 2019: 103).

А также социальной специфике общества, которая позволила достичь ему вершин власти: «Демократические порядки предков чехов с народным избранием судей и вождей из числа наиболее достойных по своим качествам мужей описывает Козьма Пражский (ок. 1045 – 1125): “Если только среди племени или в составе рода оказывался кто-либо, обладающий лучшими нравами и более уважаемый за своё богатство, люди добровольно обращались к такому человеку без его вызова, без свидетельства с печатью и с полной свободой толковали о своих спорных делах и о тех обидах, которые им нанесены. Среди таких людей выделился некий человек, по имени Крок, его именем назван град, заросший теперь уже деревьями и расположенный в лесу, что близ деревни Збечно. Соплеменники считали этого человека совершенным. Он располагал большим имуществом, а при рассмотрении тяжб вёл себя рассудительно; к нему шёл народ не только из его собственного племени, но и со всей страны, подобно тому как к ульям слетаются пчёлы, так к нему стекался народ для разрешения своих тяжб”» (Жих 2019: 37).

Можно предположить, что власть Само была сильной и, вероятно, не во всём демократичной. О чём говорит возможная трактовка имени Само, как происходящего от титула или прозвища, например, «самовластец», «самодержец» (Жих 2019: 31-33). Такая специфика власти в славянских странах не раз оправдывала себя в ситуации жесткого военного давления с разных сторон, например, со стороны кочевников с одной стороны, и европейских стран – с другой.

При этом демократизм, привлекательность для ищущих справедливости, первостепенное значение личной репутации, а не происхождения для получения каких либо полномочий, создание новых сообществ по территориальному принципу – всё это было в значительной мере присуще раннему славянскому казачеству XVI-XVII вв. Оно в период своего становления и развития сполна задействовало указанные выше общеславянские культурообразующие принципы.

Вероятно, сведения об укладе жизни славянских казаков XVI-XVII вв. в какой-то степени могут быть использованы для реконструкции уклада жизни расселяющихся славян VI-VII вв. Хотя в какой – тема для отдельного исследования. Нельзя забывать и о тюркском влиянии на раннее казачество, воздействию традиций профессиональных военных XVI-XVII вв. и пр. К тому же казаки были выходцами из гораздо более сложного и развитого общества, чем славяне VI-VII вв. Огромное влияние на уклад жизни ранних казаков оказали конкретно-исторические и природные условия, в которых они оказались. Тем более, что большинство значимых исторических явлений, как правило, имеет несколько разнородных причин возникновения.

При этом вполне возможно, что в XVI-XVII вв. наследие древних славян сохранялось в виде народной памяти о вечевых порядках в русских землях предыдущей эпохи¹, а так же принципов низовой социальной организации на основе горизонтальных социальных связей.

1 Конечно, вечевой уклад не был копией древнеславянского социального устройства. Но народная память вполне могла выделить в нём сходные с древнеславянскими элементы, такие как относительный демократизм.

Последняя была присуща представителям самых разных социально-профессиональных групп, и в условиях ухода в Дикое поле, отрыва от государства, могла вновь стать на некий период времени основной формой устройства общества.

В книге есть весьма уместное сравнение избрания правителем Само и призвания варягов на Русь. Национальное происхождение лидера здесь не имеет особого значения – он интегрируется в славянскую политическую традицию и этническую культуру, выступает выразителем интересов местных жителей: «На наш взгляд, в качестве приоритетной должна рассматриваться версия о галло-римском происхождении Само, при этом данный вопрос не следует считать принципиальным. Избрание князя из числа выдающихся по своим личным качествам мужей – традиционное для славян и других народов периода “военной демократии” явление... в истории Само, решающее значение имеет не этническая принадлежность или происхождение, а личные качества человека как воина, полководца, политика и дипломата... Ближайшей в славянском мире типологической аналогией избрания среднеевропейскими славянами своим князем Само является “призвание” словенцами и их союзниками (кривичами, мерей и чудью) в IX в. в качестве своего правителя варяга Рюрика... Появление Рюрика в землях словен, главенствовавших в северной восточнославянской политике, стало результатом определённого соглашения, “ряда”, между ним и словенцами, а также их союзниками (кривичами, мерей и чудью)» (Жих 2019: 33-36).

Весьма интересны приведенные в работе гипотезы происхождения этнонима «чехи», трактовка сербов и хорватов как частей прежде единого народа: «Этноним чехи (чешское *čechi*) образован при помощи уменьшительного форманта **xъ* от праславянского **čel-* (продуктивный корень *kel/kol-*, ср. **pokoleni*, **koleno*), отражённого в словах **čelověkъ*, **čelědъ* (исходное значение “дети, младшие члены семьи”), **člen* и т.д., с первоначальным значением “род”, то есть чехи – это буквально «члены одного рода (единой общности)... Типологической аналогией имени чехи в славянском мире является этноним сербы, имеющий близкую семантику. Согласно наиболее убедительной этимологии Г.А. Ильинского, он связан с украинским *присербитися* – “присоединиться, пристать, привязаться” (от глагола *сербити* – “связывать, цеплять, соединять”), общеславянским пасерб – “пасынок” (русское *пасерб*; *пасербка*, *пасербица* – “падчерица”; украинское *пасерб*; болгарское *пасерб*; польское *pasierb*). *Серб* – изначально “человек, который является членом родового союза” или задруги, в отличие от *пасерба* (образование, параллельное *pa-syпъkъ* – “пасынок”, *pa-dъkterica* – “падчерица” и т.п.) – “незаконного или вообще неполноправного члена того же союза (задруги)... можно высказать гипотезу, что изначально, ещё до своей балканской миграции, сербы и хорваты представляли собой две фратрии одного славянского этнополитического объединения, расположенного в Центральной Европе.

Дуальная организация была построена, с одной стороны, на принципе взаимного заключения браков между представителями двух фратрий, а с другой стороны

– на их ритуальном соперничестве. Причём это соперничество могло переживать собственно классическую дуальную организацию и дальше превращаться, например, в конкуренцию городских районов, социальных или этнических групп, в которые, со временем, могли трансформироваться фратрии. Не в этом ли наследии тех времён, когда сербы и хорваты были двумя фратриями одной славинии, надо искать корни их традиционного исторического соперничества?

Г.А. Ильинский показал, что первоначально славянское *chъrvatъ* (от индоевропейского **kher-* – “резать”) означало “защитник”, причём это значение могло развиться из более древнего “борец, боец” или даже “храбрец”. А. Брюкнер сопоставил *chъrv-* со словацким *charviti se* – “сопротивляться, защищаться” (от **skъrv-*), родственным латинскому *servare* (откуда *armare* – “вооружаться”), литовскому *šarvas* – “оружие, броня, доспехи” (откуда *sarvotas* – “вооруженный, одетый в латы”), готскому *sarwa* – “оружие, доспехи” и другим соответствующим понятиям в индоевропейских языках.

Суффиксальное оформление *-at* аналогично *rog-at’ый, бород-at’ый, gebat’у, rosoch-at’у* и т.д. Соответственно, *hrvat* (“хорват”) – “защитник, вооружённый”. В том же направлении “оружейной” этимологии этнонима хорваты идут поиски и ряда других исследователей.

Подобное образование этнонимов для славян нехарактерно, но если допустить, что изначально хорваты были одной из двух фратрий сербского «племени», лишь впоследствии трансформировавшейся в отдельный этнос, то оно представляется вполне вероятным: именование представителей одной из соперничающих фратрий “бойцами” или “храбрецами” выглядит логичным. Константин Багрянородный характеризует пришедших в Далмацию хорватов как очень воинственную общность. Л. Нидерле констатировал: “хорваты и сербы пришли на юг как сильные племена, следовательно, покидая Прикарпатье, они представляли значительную силу” (Жих 2019: 69-70, 82-88).

В этой связи важно отметить способность славян быстро и эффективно переформатировать свою политическую организацию, что позволяло быстро достичь значительных успехов: «...собравшиеся под скипетром удачливого вождя-иноземца, не связанного ни с одним из местных “племён”, славяне, рвавшие со своей привычной “племенной” средой, могли назвать себя новым именем, подчёркивающим их единство, но принципиально отличным от традиционных “племенных” славянских имён... Так через распад “старых” славянских “племён”, и соединение их частей на новой основе (явление типологически сходное с греческим синойкизмом или формированием римской общины) вокруг князя Само, сформировался “новый род” славян – чехи, ставший ядром кристаллизации политического объединения славян Центральной Европы от лужицких сербов до карантанцев» (Жих 2019: 71-73).

Действительно: «Победы Само над франками дали им надёжную острастку и на многие десятилетия оставили франкский “натиск на восток”, который возобновился только при Карле Великом, начавшем новое наступление на чехов, потомков жителей “державы” Само и на их союзников сербов. Тем самым, среднеевропейские славяне получили достаточную передышку для спокойного развития своей экономики, социальной системы, политической жизни и культурного творчества. В этом, наряду с тем, что “держава” Само вывела западнославянский политогенез на новую ступень, состоит её историческое значение для судеб славянского мира» (Жих 2019: 104).

Это, прежде всего, показывает изначально присущую славянскому укладу жизни способность давать быстрый и эффективный ответ, адекватный конкретным социально-историческим и природным вызовам, во многом за счёт возможности для талантливых и ярких личностей реализовывать себя на благо общества.

ЛИТЕРАТУРА

Жих 2019 - Жих М.И. Славянский правитель Само и его «держава» (623-658). Источники, локализация, социально-политическая организация, историческое значение. СПб., 2019. 148 с.

REFERENCES

Zhikh 2019 - Zhikh M. I. Slavyanskij pravitel' Samo i ego «derzhava» (623-658). Istochniki, lokalizaciya, social'no-politicheskaya organizaciya, istoricheskoe znachenie [Slavic ruler Samo and his «power» (623-658). Sources, localization, socio-political organization, historical significance], St. Petersburg, 2019, 148 p. [in Russian].

Васильев Игорь Юрьевич

– Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия).

Igor Vasilyev

– Candidate of Historical Sciences, Senior research associate of the Research Center of traditional culture «The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia).

ivassee@mail.ru